

Джон Диксон Карр

ДЕЛО
«ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ
НОЧИ»

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE ARABIAN NIGHTS MURDER
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1936
TO WAKE THE DEAD
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1938
THE CROOKED HINGE
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1938
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского
Елены Королевой, Полины Левченко, Анны Лисицыной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Е. А. Королева, перевод, 2025
© П. А. Левченко, перевод, 2025
© А. С. Лисицына, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-25530-2

ДЕЛО
«ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ
НОЧИ»

«Вы клянетесь бородой пророка. Так отчего бы сказителю не выдумать какую-нибудь любопытную историю, хоть бы и о бороде?»

Улада тысячи и одной ночи

«Я ступевался; и наконец до моих ушей донеслось слово, медленно, но четко произнесенное будто бы на перехваченном дыхании; и слово было „бакенбарды!“»

Жизнь преподобного Р. Х. Бархэма

ПРОЛОГ

В просторной библиотеке в доме номер один по Адельфитеррас за круглым столом сидели четверо мужчин. За последние несколько лет немало поразительных вещей успели положить на этом столе под светом лампы, чтобы их осмотрел доктор Фелл. И заводную игрушечную танцовщицу, ту самую маленькую жестяную фигурку, чьи движения дали ключ к загадке дела Уэтерби-Гранж, и шесть синих монет, из-за которых Полтон с Риджент-стрит отправился на виселицу. Однако редко когда сей стол видел такое нелепое собрание предметов, как в тот вечер. То были вещественные доказательства в деле, которое позднее стало известно как дело «Тысячи и одной ночи». Полдюжины вещей, начиная с поваренной книги и заканчивая бутафорскими бакенбардами.

Яркая лампа, висевшая над столом, скорее напоминала проектор. В комнате не было другого источника света, разве что огонь в камине, который разожгли на тот случай, если возникнет необходимость провести здесь всю ночь. В самом большом кресле, словно на троне, у приставного столика, изобилующего сигарами и спиртным, восседал с улыбкой на лице доктор Гидеон Фелл. После четырех месяцев, проведенных на юге Франции, доктор так и лучился здоровьем. Он побывал в Каннах, как помнится, из-за дела об отравлении Жиро, в которое оказались впутаны две англичанки; дрянное дельце. После он нежился на Лазурном Берегу, отчасти ради того, чтобы подлечить свою астму, но главным образом из-за вполне естественной здоровой лени. И теперь в свете подвесной лампы его лицо отливало красным сильнее, чем когда-либо. Глаза поблескивали за стеклами пенсне

на черной ленте, а смешки приводили в движение его подбородки и перекачивались по жилету на складках живота; казалось, он заполнял всю комнату, словно Дух Нынешнего Рождества. Одна его рука покоилась на трости, а в другой он держал знатную сигару, которой указывал на артефакты, разложенные перед ним на столе.

— Интересно, — признал он, довольно присвистнув. — Я готов хоть всю ночь слушать про дело, которое объединяет поваренную книгу и две пары фальшивых бакенбардов. Одни, заметьте, седые, а другие — черные. Однако же, Хэдли, как насчет остальных вещественных доказательств? — Он указал на них. — Они, кажется, ничем не лучше. Этот изогнутый клинок выглядит весьма внушительно. А что с фотографиями? На этой как будто бы следы. А на *этой* — что ж, напоминает базар или восточную лавку с дверью, над которой красуется большое черное пятно.

— Так и есть, — мрачно произнес суперинтендант Хэдли, — кто-то бросил в стену уголь.

Сигара замерла на полпути ко рту доктора Фелла. Он чуть склонил голову набок, так что прядь его седых волос закрыла ухо.

— Бросил уголь в стену? — повторил он. — Это еще почему?

Тут угрюмо вступил инспектор Каррутерс:

— Да, сэр. Это очень важно, если, конечно, суперинтендант в целом верно восстановил события. И в связи с этим я со всем уважением хотел бы обратить ваше внимание на те черные накладные бакенбарды. Видите ли, начнем с того, что на них спиртовая смола, а что еще более важно...

— Помолчите, а? — проревел сэр Герберт Армстронг, выдающийся предприниматель, чьи деловые качества обеспечили ему место помощника комиссара столичной полиции. — Разве вы не видите, что только вносите сумбур? Помолчите, вы оба, и дайте *мне* объяснить. Итак! Фелл, мы совершенно запутались и хватаемся за вас как за соломинку. Дело настолько безумное, что никто другой не разберется.

— Да вы меня просто сразили наповал, — ответил доктор Фелл. — Продолжайте.

Он обвел взглядом троих гостей. Каждый рассказывал эту историю по-своему, ведь за столом в библиотеке собрались уроженцы разных уголков Британии.

Джон Каррутерс, ирландец, был инспектором отдела на Уайн-стрит. Он представлял собой новую разновидность офицеров полиции: не старше тридцати пяти, с университетским образованием, отличник в учебе и спорте, с хорошими манерами, а также с живым, а порой и несколько эксцентричным воображением. Он приучил себя обуздывать полеты своей фантазии, однако это сделало его довольно замкнутым. Единственное, что в нем было неирландского, так это подчас доставлявшая неудобства способность принять чужую точку зрения. За хмурым выражением его длинного лица угадывалась насмешка, в уголке рта торчала неизменная трубка, а его темные брови были сурово сведены над иронично смотрящими глазами.

Сэр Герберт Армстронг, лысый и плотный, был англичанином до мозга костей. Возможно, именно с него и списали киношного доктора Булла, его фамилия говорила сама за себя. Верный, сентиментальный, циничный, сердечный, словоохотливый, упрямый и вспыльчивый, ему были не по душе собственные добродетели, однако он очень гордился своими предрассудками. У него был взрывной, однако совершенно безобидный характер, из-за которого в кулуарах силового ведомства его называли (не в лицо, разумеется) Дональдом Даком. В конечном счете он всегда оставался верным другом, и по меньшей мере один человек, занимавшийся делом «Тысячи и одной ночи», мог бы за это поручиться.

Последним в этом трио был суперинтендант Дэвид Хэдли. Он родился в верховьях реки Твид, протекающей между Шотландией и Северной Англией. Они давно дружили с доктором Феллом, и хотя доктор знал Хэдли как облупленного, даже он соглашался с тем, что порой проследить ход мыслей суперинтенданта было непросто. Осторожный, хладнокровный, рассудительный, он мог быть то медлительным, то взрывным, то флегматичным и невозмутимым, то непредсказуемым. Ох уж эта его невозмутимость... по сей день рассказывают историю о том, как он в одиночку вошел в самый что ни на есть вонючий воровской притон в восточном Попларе, арестовал Майерса и Бейли с одним лишь муляжом пистолета в руке и спокойно вывел их перед собой, повернувшись спиной ко всем кастетам, выставленным против него в том притоне... За этим хладнокровием и флегматичностью скрывалась ранимость, которая про-

являлась при малейшем знаке пренебрежения, даже если оно не было злонамеренным. Он не любил скандалов, был замечательным семьянином и имел, вероятно, обостренное чувство собственного достоинства. Хотя он, конечно, стал бы это отрицать; похоже, среди присутствующих он обладал самым богатым воображением. И наконец, все знали, что он никого не бросит в беде, не важно, друга или нет.

Доктор Фелл заинтересованно оглядел собравшихся.

— Послушайте же меня, — продолжил сэр Герберт Армстронг, стуча по столу. — Это дело с Музеем Уэйда надо как следует перетрясти. Вы точно четыре месяца в глаза не видели английских газет и вообще ничего об этом не слышали? Так и есть! Оно и к лучшему! Вот вам все стенографические записи, в тех папках. У нас здесь собрались три человека, которые вели это дело на всех этапах вплоть до того момента, когда мы триумфально сели в лужу...

— В лужу? — переспросил Хэдли. — Я бы не стал заявлять столь категорично.

— Ладно, уперлись в правовой тупик. Дело было так. Каррутерс первым получил свою дозу сумасшествия: убийство и совершенно необъяснимые сопутствующие обстоятельства. Затем присоединился я, и мы сумели объяснить обстоятельства, — которые, однако, не имели ни малейшего отношения к убийству. А потом присоединился Хэдли, и мы раскрыли убийство, но все остальное осталось таким же запутанным. Это чертово дело напоминает капусту, с которой нужно сдирать лист за листом, чтобы понять, что все-таки произошло, и под всеми этими слоями красуется одно лишь слово — «дудки». Пыль! — с горечью произнес Армстронг. — Пыль!

Доктор Фелл выглядел несколько обескураженным.

— Это, конечно, мартышкин труд, — продолжал ворчать Армстронг, — но мы разгребем эту кучу бреда в который раз. Нравится вам или нет, садитесь на ковер-самолет. Каждый из нас изложит вам свою часть истории и дополнит то, над чем ломал голову предыдущий рассказчик. А в конце вы скажете, что нам, черт возьми, со всем этим делать. То есть если придумаете, конечно, в чем я лично сомневаюсь. Ладно, Каррутерс. Поехали.

Каррутерсу явно было не по себе. Он потянулся к стопке машинописных листов в синей папке, лежащих у локтя Хэдли,

ДЕЛО «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ»

и с мрачной иронией оглядел собравшихся. Затем на его губах, сжимающих трубку, заиграла усмешка.

— Боюсь, я тут кое-что напутал, — сказал он. — Хотя, сэр, серьезных оплошностей все же не допустил, так что не слишком беспокоюсь. Так говорил сказочник, сидевший на базаре. Советую вам наполнить бокал и крепче держать свою шляпу, сэр, ибо мы взлетаем.

«Впервые мысль о том, что здесь что-то не так...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Ирландец в арабской ночи:
свидетельство детектива-инспектора
Джона Каррутерса

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Исчезающие бакенбарды

Впервые мысль о том, что здесь что-то не так, высказал сержант Хоскинс, сержант, прошу заметить, при исполнении, и даже тогда во всем этом деле было трудно разглядеть что-то, кроме безумия, от которого лезешь на стену. Хотя у нас на Уайн-стрит случаются веселенькие истории, особенно когда дело касается дебоширов во фраках, все же нарушители общественного спокойствия редко носят пышные светлые бакенбарды.

Я встретился с Хоскинсом вечером в пятницу, четырнадцатого числа, ровно в пятнадцать минут двенадцатого. У меня оставалась еще кое-какая работа в участке, так что пришлось задержаться; устроив себе перерыв, я отправился в киоск на Пантон-стрит за кофе и сэндвичем. Свернув на Хэймаркет, освещенную фонарями, я чуть не налетел на Хоскинса. Он полицейский старой закваски: грузный, важный, с пышными закрученными усами, мне никогда еще не случалось видеть его таким растерянным.

Тяжело дыша, он потащил меня в тень и произнес: «Там!»

— Сэр, — проговорил Хоскинс, — за двадцать пять лет я всяких проделок повидал, но чтобы такое... Этот с длиннющими белыми бакенбардами, пусть даже они и фальшивые! Я их ему так накручу! — злобно рычал Хоскинс. — Вот! — Он указал на свою шею. Прямо над воротником на ней виднелись длинные и глубокие царапины, оставленные ногтями. — Знаете Музей Уэйда, сэр? Тот, что на Кливленд-роу?

Я, конечно же, знал про Музей Уэйда. И все думал, что неплохо было бы туда заскочить, но так и не собрался. Мы получили строгий приказ приглядывать за ним; не только от самого

Уэйда, но и от высокого начальства. Я так полагаю, вы слышали о старине Джеффри Уэйде или хотя бы о его кошельке необъятной толщины. Впрочем, его она никогда не удовлетворяла. Лично я с ним знаком не был, но до меня доходили слухи о нем как о вздорном, эксцентричном, «величайшем мастере публичных зрелищ». Кроме того, я знал, что у него имеется кое-какая собственность в районе Сент-Джеймс, включая многоквартирный дом на Пэлл-Мэлл-стрит.

Лет так десять назад он обзавелся небольшим частным музеем (открытым для посещения), которым сам и заведовал. Азиатский или восточный музей, насколько я понял, помню, как-то прочитал в статье, что у него там выставлены еще и несколько хороших образцов старинных английских повозок, словом, чем бы старик ни тешился. Этот музей находится на Кливленд-роу, напротив Сент-Джеймского дворца. Он втиснулся в восточной части улицы среди маленьких угрюмых скверов и домов, которые, кажется, забросили еще в восемнадцатом веке. Даже средь бела дня этот район не производит впечатления оживленного и цветущего — всюду гуляет эхо, — а уж что там делается в ночи, остается только воображать.

И стало быть, как только Хоскинс упомянул это место, я сразу же заинтересовался. Я велел ему прекратить изрыгать пламя и рассказать мне, что произошло.

— Я обходил территорию, — выпрямившись, стал рассказывать Хоскинс, — и двинулся на запад по Кливленд-роу. Было около одиннадцати, сэр. Я шел к своей следующей точке, на Пэлл-Мэлл-стрит, помахать тамошнему констеблю. И вот иду я мимо Музея Уэйда. Вы же знаете это место, сэр?

Я проходил пару раз мимо него, и в памяти запечатлелся выходящий фасадом на улицу каменный двухэтажный дом, обнесенный с обеих сторон высокой каменной оградой. Еще у него были высокие бронзовые двери, на которых красовался фриз, испещренный, кажется, арабской вязью, — вот по таким приметам и можно узнать это строение. Что Хоскинс, что я перестали изъясняться на этом суконном языке; боюсь, я не в состоянии долго разговаривать в такой тональности.

— Так вот, — доверительно просипел Хоскинс, — дай, думаю, потяну за ручку, мало ли, может, Бартон чего упустил. Ну, сэр, двери оказались крепко-накрепко заперты. И я пошарил туда-

сюда фонариком, так, ничего особенного не подозревая, понимаете, сэр; и высветил это. — Тут он остановился. — Ну, я повернулся и ошибиться не мог. Он сидел на стене. Длинный тонкий старикашка в цилиндре и фраке. И с белыми бакенбардами.

Я внимательно посмотрел на Хоскина, не зная, смеяться мне или сердиться; если бы мы не были так хорошо знакомы, я решил бы, что это какой-то хитроумный розыгрыш. Но он говорил совершенно серьезно.

— Да, сэр, именно так! Сидит на стене. Свечу, значит, прямо на него и чуть сам не упал — в таком-то возрасте, да еще и в шляпе набекрень, ну я... и крикнул ему: «Эй! Чего ты там забыл наверху?» — и вот глянул я в глаза этому прохиндею, и мамой клянусь...

— Какой вы, оказывается, чувствительный, сержант.

— Как хотите, сэр, можете смеяться сколько влезет, — мрачно проговорил Хоскинс и сердито кивнул, — вы просто сами его не видели. У него были такие очки большие в роговой оправе. Смотрел на меня как псих. Длинное лицо и эти неестественные бакенбарды, а еще длинные тощие паучьи ноги, свисающие со стены... И вдруг он как подскочит. Фить! Я думал, он на меня прыгнет. Сэр, вы когда-нибудь видели церковного старосту с блюдом для пожертвований? Вот так он и выглядел, только сумасшедший. Он свалился оттуда, как мешок, но смог подняться. А затем сказал мне: «Это ты его убил, и тебя за это повесят, милый мой самозванец. Я видел тебя в повозке». И при этом бросился на меня, вытянув обе руки.

Нет, Хоскинс был абсолютно трезв (он дышал мне прямо в лицо, так что я учуял бы); к тому же едва ли он был способен выдумать такую чертовщину.

— Может, это был тот самый Горный Старец, — сказал я, — а дальше-то что произошло?

Хоскинс ступешался:

— Пришлось в конце концов прописать ему пару ласковых, сэр. Несмотря на всю свою стариковскую наружность, он дрался как дикий зверь, и ничего другого мне не оставалось. Особенно не церемонясь, я двинул ему в челюсть, и он стек вниз. Тут-то мне и открылось самое странное — его бакенбарды оказались фальшивыми. Хоть увольте, сэр, но это чистейшая прав-

да. Они держались на каком-то густом клее и в суматохе отлепились. Мне не удалось рассмотреть его лицо, потому что в пылу схватки он разбил мой фонарь, а на улице было, скажем так, темновато.

Вопреки всем стараниям губы Хоскинса скривила злорадная улыбка.

— Знаете, сэр, я тогда вот что подумал: «Ну и вляпался же ты в историю, друг!» Пошел прогуляться (так я подумал) по фешенебельному старому кварталу, нацепив бакенбарды, и тут раз — и расстелили тебя, как коврик, да не где-нибудь, а в минуте ходьбы от Пэлл-Мэлл! Вот оно как? Врать не стану, я тогда почувствовал себя дураком. Все, что мне оставалось делать, — это вызвать «черную Марию», чтоб его забрали. Я вспомнил, что собирался встретиться с констеблем Джеймсоном, и дальше на обход по Пэлл-Мэлл. Так что я решил попросить Джеймсона, чтоб он постерег этого негодяя, пока я звоню. Ну, сэр, я пристроил его у тротуара, положил головой на бордюр, чтобы кровь не текла и он еще больше головой не двинулся. Пройдя не больше десяти шагов, я оглянулся, ну, чтоб убедиться, что он в порядке.

— И он был в порядке?

— Нет, сэр, совсем не в порядке, — серьезно ответил Хоскинс, — он испарился.

— Испарился? Вы имеете в виду, поднялся и убежал оттуда?

— Нет, сэр. Испарился, как и не было; я на Библии поклясться готов! Я имею в виду, он исчез бесследно. Хоп! — Хоскинс вложил всю силу своего воображения в этот напряженный широкий взмах рукой. — Чистейшую правду вам говорю, сэр. — Он с достоинством приосанился, явно терзаясь какой-то мыслью. — Вы, сэр, умный человек, и я знаю, что вы мне верите. Констебль Джеймсон, вот он не поверил, все бы ему шуточки над старшими по званию шутить. «Испарился? А, его, наверное, унесли какие-нибудь розовощекие феи» — вот так он сказал. «Накладные бакенбарды! Ишь ты! Может, у него еще и роликовые коньки на ногах были и зеленый зонтик? Дружище, вы только никому не рассказывайте эту историю, когда в участок вернетесь». А я вот рассказываю, поскольку это мой долг, и я от него не отступлюсь! Более того, злоумышленнику там решительно некуда

было улизнуть. — Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, Хоскинс сумел укротить свой бушующий гнев. — Сами посудите, сэр. Он валялся посреди улицы, и до ближайшей двери оттуда бежать не один фут. Более того, там было настолько тихо, что я бы точно услышал, если бы кто-нибудь подошел; я бы увидел, там было не настолько темно, и, клянусь, я отошел не больше чем на тридцать футов. Но я ничего не видел и не слышал, а этот негодяй секунд за десять — раз! — и, хоп, растворился! Сэр, если это не проделки какого-нибудь мага-иллюзиониста, то я не знаю что. Исчез! Растворился там, откуда ему было некуда деться, на Библии клянусь. Но меня-то волнует больше всего, что мне делать в сложившихся обстоятельствах?

Я велел ему вернуться в участок и успокоиться, пока я пью кофе. Как бы мне ни хотелось вдумчиво подойти к этому происшествию, отыскать в нем какой-нибудь глубокий смысл и с блеском распутать свое первое дело в Вест-Энде, но я не в силах был серьезно отнестись к проблеме Исчезающих бакенбардов, не ощущая себя дураком за компанию с сержантом Хоскинсом. Как и Хоскинса, меня поставил в тупик тот же вопрос — и что, черт возьми, мне с этим делать? С другой стороны, если Хоскинс не стал жертвой какого-то хитроумного розыгрыша, невозможно было отрицать, что вся ситуация выглядела столь же странно, сколь и комично. Несмотря на неиссякающий поток моих вопросов, Хоскинс продолжал клясться, что обладатель белых бакенбардов никуда не мог деться, а иначе бы он это увидел или услышал; к тому же он был совершенно уверен в том, что злоумышленник был без сознания. В ту самую минуту сделать можно было только одно — пойти и выпить кофе.

К тому времени, как я вернулся, по-прежнему ломая голову над тем, что вся эта чертовщина могла означать, события продолжали развиваться. Сержант Хоскинс встретил меня в дверях, уже переодетый в штатское, однако он задержался и, едва скрывая ликование, указывал большим пальцем себе за плечо, за которым виднелось угрюмое лицо Джеймсона.

— Нам повезло, сэр, — объявил он, — Джеймсон только что с обхода.

— Что, этот тип с бакенбардами снова объявился?

Джеймсон угрюмо поприветствовал меня. Он, казалось, пребывал в растерянности.

— Нет, сэр, другой тип. Учинил скандал у Музея Уэйда минут через пять после того, как сержант ушел оттуда. А когда я столкнулся с этим парнем, он вздумал драться. — Джеймсон надулся еще больше. — Я решил, вы захотите с ним потолковать. Я ему ничего не предъявлял, но могу, если прикажете, попридержать его в участке; этот негодяй пытался треснуть меня тростью. Я его попросил пройти спокойно со мной, чтоб побеседовать с вами. Он сейчас в вашем кабинете.

— Что произошло?

— Ну, сэр, — встрепенулся Джеймсон, — я со своей дубинкой, значит, шел мимо музея, как вдруг увидел этого парня, стоящего ко мне спиной; было похоже, что он шарит руками по поверхности бронзовых дверей. Нарядный господин в вечернем костюме, здоровенный такой, черт его возьми, киноактер просто. Я окликнул его и спросил, чем это он занят. Он ответил: «Пытаюсь войти, разве не понятно?» А я ему: «Полагаю, вы, сэр, знаете, что это музей?» А он мне: «Да, поэтому я и пытаюсь войти. Где-то тут должен быть колокольчик, помогите же мне его отыскать». Ну, я тогда указал на то, что музей закрыт, внутри не горит свет и ему бы лучше двигать в сторону дома. А он, взбешенный, повернулся ко мне и рыкнул: «Если тебе это о чем-то говорит, меня пригласили на индивидуальную экскурсию; я никуда двигать не намерен, и что ты мне делаешь?» А я ему... — Джеймсон надул щеки. — «Так я вам помогу». А он мне: «Ты дорого заплатишь за свою дерзость». Ей-богу, я впервые слышал такое не в кино. И он как начал этой своей тростью тыкать и размахивать...

— Чую что-то неладное, сэр, — мрачно прокомментировал сержант, поглаживая усы. — Разрази меня гром, ничего не понимаю; а вы, сэр?

— Джеймсон, продолжай.

— Я схватил эту его трость и вежливо, разумеется, поинтересовался, не возражает ли он против того, чтобы пройти в участок и ответить на пару вопросов. Он заметно успокоился. Притих. Какие такие вопросы? Вот что он хотел знать. Я ему говорю: «По поводу исчезновения». Я подумал, что он какой-то чудной; но он не стал поднимать шум, как я ожидал, и просто пошел со мной, непрерывно меня спрашивая. Сэр, я ничего ему не сказал. Теперь он у вас в кабинете.

Джеймсон, как видите, вышел за рамки своих полномочий; но все это дело начинало выглядеть настолько странно, что я был рад, что он так поступил. По коридору я направился в свой кабинет и отворил дверь.

Вы сегодня услышите различные мнения о том, с какими персонажами нам пришлось иметь дело. Я же могу изложить вам только свое. Человек, все это время сидевший на вращающемся стуле, резко встал, будто растерялся и не понимал, как ему следует держать себя со мной, выглядел он весьма внушительно, особенно в моем убогом кабинете. На секунду мне показалось, что в нем есть что-то смутно знакомое, будто я встречал его раньше. Это чувство прошло, как только я его разглядел. Человек, представший передо мной, казался типичным героем тысяч бульварных романов. Чудесным образом этот герой сошел с книжных страниц, приложив немало усилий, чтобы выглядеть правдоподобно. К тому же (и он это прекрасно понимал) он был широкоплеч и высок, с суровой мужественной наружностью, которую так обожают писательницы подобного жанра, со светлыми голубыми глазами, густыми бровями и темными, коротко стриженными волосами; он даже, клянусь вам, был загорелым. Если составить список всевозможных клише, включив в него наличие идеального вечернего костюма и впечатление, что этот человек мог голыми руками побороть тигра, то он подходил под абсолютно все пункты. Можно было с легкостью представить, как он вальяжным жестом подзывает слугу и тот кидается исполнять его приказание. От образа самовлюбленного глупца его спасало лишь присущее ему обаяние: за этой маской, казалось, скрывались вполне искренняя самонадеянность, напористость и энергичность. И вот теперь эти светлые голубые глаза на загорелом лице пристально, изучающе рассматривали меня, на вид ему было лет двадцать восемь; у меня сложилось впечатление, что, сохраняя внешнюю невозмутимость, он что-то прикидывал и взвешивал, дрожа от внутреннего возбуждения. Он приветственно взмахнул тростью, избрав, очевидно, дружескую манеру, и продемонстрировал в улыбке свои красивые зубы.

— Добрый вечер, инспектор, — произнес он именно таким голосом, какого можно было от него ожидать; еще одно дополнение ко всем прочим клише. Он насмешливо осмотрелся. — Должен вас предупредить, мне случалось попадать в полицейские

участки и прочие неприятные места. Но прежде мне не приходилось попадать туда, не зная за что.

Я подстроился под его манеру.

— Что ж, сэр, у нас здесь вполне пристойное местечко, — сказал я, — на тот случай, если вы желаете обновить свой опыт. Присаживайтесь, пожалуйста. Курите?

Он вновь уселся на стул и принял сигарету. Подавшись вперед и сложив руки на рукоятке своей трости, он изучал меня таким испепеляюще внимательным взглядом из-под своих густых бровей, что его глаза едва не косили. Однако вскоре улыбка вновь появилась на его лице, и он стал ждать, пока я зажгу ему спичку.

— Никак не мог отделаться от ощущения, — продолжил он с неиссякаемой уверенностью в голосе, когда я дал ему прикурить, — что ваш полицейский несколько повредился рассудком. Естественно, я пошел с ним: видите ли, я люблю приключения и мне было любопытно, что же произойдет дальше. — (Блефовал он весьма причудливо.) — Лондон — чрезвычайно скучное место, инспектор. И меня постоянно терзают сомнения насчет того, чем бы заняться и куда пойти. — Он помедлил. — Роберт говорил о каком-то «исчезновении».

— Так. Чистая формальность, мистер?..

— Маннеринг, — ответил он, — Грегори Маннеринг.

— Ваш адрес, мистер Маннеринг?

— Эдвардиан-Хаус, Берри-стрит.

— Ваш род деятельности, мистер Маннеринг?

— О, скажем так... солдат удачи.

Несмотря на всю его снисходительную и подкупающую искренность, я ощутил в его голосе какую-то мрачную ноту, но решил не заострять на этом внимание. Он продолжил:

— Давайте с самого начала и по порядку, инспектор. Вероятно, вы сумеете найти ответ, ибо я решительно не могу. Значит, так, я получил приглашение, персональное приглашение, прошу заметить, явиться сегодня вечером в Музей Уэйда к одиннадцати часам...

— Ясно. Стало быть, вы знакомы с мистером Джеффри Уэйдом?

— В сущности, я никогда его не встречал. Но полагаю, вскоре мы с ним будем знакомы очень хорошо, поскольку, так уж случилось, я его буду зять. Мы с мисс Мириам Уэйд...

— Ясно.

— Что, черт возьми, означает это ваше «ясно»? — сердито поинтересовался он.

Самое обыкновенное слово, предназначенное для заполнения неловкого молчания в диалоге с моей стороны, заставило его брови взметнуться вверх и сдвинуться хмурой галкой над глазами, подозрительно уставившимися прямо мне в лицо; однако он подавил в себе этот порыв и засмеялся:

— Прошу прощения, инспектор. Признаю, я немного раздражен. Попав сюда, в эту мрачную каморку, и не обнаружив в ней ни души... я просто не понимаю, Мириам не могла спутать даты. Она звонила мне сегодня вечером. Там должно было собраться весьма и весьма достойное общество, среди прочих и доктор Иллингворт из Эдинбурга, ученый, специалист по Азии, ну, вы, наверное, слышали о нем, священник, который постоянно выступает на собраниях... А поскольку у меня есть некоторый опыт, связанный с Востоком, Мириам решила... — Его настроение резко изменилось. — Боже мой, с чего я вообще вам все это рассказываю? Тем более к чему все эти вопросы? Если вы не знаете...

— Мистер Маннеринг, всего один вопрос, просто чтобы прояснить ситуацию, — сказал я, пытаюсь его успокоить. — Ради чего собралось в музее столь достойное общество?

— Боюсь, что не могу сказать вам этого. Некое открытие, тайна. Образно говоря, мы намеревались расхитить могилу... Инспектор, вы верите в призраков?

Благодаря неожиданной перемене его настроения мы вновь стали друзьями.

— Это сложный вопрос, мистер Маннеринг. Однако один из моих сержантов сегодня едва не поверил в них; в сущности, из-за этого вас и доставили сюда. Носят ли призраки накладные бакенбарды? — Взглянув на него, я очень удивился. — Этот самый призрак тихонько лежал себе на земле, как вдруг испарился прямо у сержанта под носом, или же кто-то ему помог. Однако призрак выдвинул кое-какие обвинения...

Я отгарабанил всю эту чепуху, в душе чувствуя, что выставлю себя полнейшим дураком, и не понимая, отчего вдруг Маннеринг свесил голову и стал сползать на стуле. Он медленно опускал голову, будто в раздумьях; но стул под ним издал скрип, и я увидел, как его голова вяло дернулась. Трость с се-

Карр Дж. Д.

К 26 Дело «Тысячи и одной ночи» : романы / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. Е. Королевой, П. Левченко, А. Лисицкой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 736 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-25530-2

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». В 1933 году в романе «Ведьмино Логово» Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

В настоящий сборник вошли седьмой, восьмой и девятый романы из цикла, повествующего о приключениях доктора Фелла: «Дело „Тысячи и одной ночи“» (1936), «Не будите мертвеца» (1938) и «Изогнутая петля» (1938).

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ДЖОН ДИКСОН КАРР

ДЕЛО «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ»

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редактор Татьяна Шушлебина

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Татьяна Бородулина, Анна Быстрова,

Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.01.2025.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 6000 экз.

Усл. печ. л. 45,08. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19. E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А, Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А, Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-TLD-34528-01-R